

Первый тур

ФИО ученика (или шифр работы)			Класс		
K1 0-10-20-30	K2 0-5-10-15	K3 0-3-7-10	K4 0-3-7-10	K5 0-1-3-5	Итог
1-10-42 <i>20</i>	10 <i>10</i>	7 <i>7</i>	7 <i>7</i>	5 <i>5</i>	49 <i>49</i>

Необходимые комментарии, пояснения, рецензия (если нужно):

Подпись проверяющего №1 (с расшифровкой)	Подпись проверяющего №2 (с расшифровкой)	Подпись председателя жюри (с расшифровкой)
<i>М.И.Кедров</i>	<i>Д.Волчанская</i>	<i>Н.Н.Кириллов</i>

Всероссийская олимпиада школьников по литературе 2016–2017 учебный год

Региональный этап. Первый тур

10 класс

Шифр
1 - 10 - 42

Количество баллов
49

Что есть самое дорогое для человека? Капитан отвечает на этот вопрос по-своему, но настоящий родитель скажет: „Это мой ребёнок! Моя семья“. Юрий Олеша, присоединяясь к своей книге „Искусство любить“ утверждает, что родительская любовь глубока и безупречна, но если мамы или папы не могут совладать с собой, то эта любовь покоряет ребёнка, ведь нередко любовь позволяет и оправдывает преступления. И родители любви приходится учиться разрывать себя на части „желания Соломона“, разрезать любовь: отдать строгостью, непреклонностью, но и ёвангельским, всепрощающим сердцем.

В рассказе Юрия Олеша „Наташа“ в профиле Дмитрия Яковлевича, отца девушки Наташи, это, пожалуй, звучит в качестве характеристики: резкость, жёсткость (... какая она дура!) профессора и „голубую душу“ отца, старика с седой головой, сумной спиной. Стихотворность, раскрытие в коротком рассказе, неоднозначность — это не только о родительской любви, а о человеческих чувствах вообще. Как же Юрий Олеша выразил это существо?

+ Начини с названия произведения: то имя дочери главного героя, причём не попав в строку „Каталь“ или „Наташа“, а членчательно-ласкательно, звучащим именем. Она отца до сих пор не оставляет ребёнком, даже если она уже молодая женщина. Наташа — самое главное, что есть в жизни Дмитрия Яковлевича.

+ Имя дочери это узкая граница, чем шире главного героя, который был назван с самого начала рассказа старичком, словно он сухощавый, зернистый, как старый шелковый лист из гербария, крошечного роста, сросшийся, почти изведанный в своей ограниченной любви к прекрасной, как белая бабочка, только выпорхнувшей из колыбели, (увеня попомпованного шатра?)

взрослой дочери.

«...ет дочь Наташа, оставив отца дома, ушла — и уже много раз она так ходит — ~~составляет~~ из этого „дурал в самый раз” старшок. И повторимость подчерк-
вает характерный лирический повтор в первом пред-
ложении второго абзаца. Дочь оставляет отца для заботы
наиболее старшей („племяннице”, „близко”), но почему
не думает завтрак с ними? ~~старик~~ Рассказчик отвечает
на свой вопрос („Она, видите ли, это очень усталая...”),
но не сдвигает ли в этом обиду? Далее это уясняет,
что рассказчик и отец становятся будущими членами.

После фразы Наташи, явственно произываемой в
голове у отца (она будто сидит с ними за столом —
это не воспоминание речи, а это монологическая, и на
письме выделяется шрифт), мы узнаем род деятельности
старшего. Но это уже не старик, а профессор.
В сердцах называет Наташу дурой, и удивляется,
когда, услышав это слово: „Туда она это видела? В кино?”
На что приходит сцена из кинофильма „Собачье
сердце” по предыдущему Михаилу Булгакову с профессо-
ром Фёдором Абрамовичем за столом.

То привычное Дмитрию Ильиновичу назван дочь, чтобы
поговорить, но читатель узнает, что её нет дома.
И здесь — неожиданное выражение внутренней речи героя:
„Я с ней поговорю”, признание, констатирующее факт:
„Он очень любил дочь”. И тут же даёт подтверждение —
сейчас герой говорит о материи, о нувориши, о том,
как нахождение увлечения вспоминаемое рукою дочери...

После завтрака и дури, старшок поехал ~~на~~ в
давно знакомое место: Ширяев спросил: „Туда?” и не
вдаваясь в подробности, не уточняя ничего, ведь марки-
рум известен. Но перед тем, как поехать, ширяев отдаёт
отцу письмо Наташи, где она приходит уменьшит отца
и передаст — благовещено бояться лица отца, но пос-
тупившему себя самостоятельной, даже своенравной: ставим
лица перед дракой, но все-таки предупреждаем о
бы угодущей встрече со Ширяевом — идет и в письме.
Однако Дмитрий Ильинович, по-видимому, так и остро

Известовал всю неизвестность понимания, что это издали
— шодёр Коня смеется над мной. И в этом заблужде-
нии великое несознание известовавшее от первого и
третьего лица: отец и рассказчик. Быть? — не
быть синева в огне. Но после расстриженного старика
говорит профессор, доверяющий Богороду дочери, или
использовавший седя рассуждениями в том, что
тако понятие моего самого „хорошего парня“.

от ~~занятее~~ дальше лучше уже старичок, а не профессор
идёт по высокой траве, вспоминая, что в ^{жаркий} весенний день был, а потом и оставил пасеку
в машине. ~~Это~~ Это говорит о психопатическом состоянии
героя — он взволнован, пускай наблюдение за пасекой
дочери стало ритуалом: „В прошлый раз я здесь
стоял? Здесь?“. И ему звонят (но верно ли?) за какие-
„небесные наряды“ наблюдателя. Может быть, упомянутые
другими „увеща ось“ и неносимого не аудиальная
демонстрация. И может быть, что всего лишь странное
наблюдение.

И во время чтения — неоднократного — то ощущение
необычного явления, неординарности рассказа, подобного
на зеркальный сон, так плющило вниманием в реальность.
Не случайно Юрий Олеша вспоминает: „Всё было
странный“. Что будильник спирреалист ~~хотел~~ не —
„Нарение из реальности“. Наташа и Ильин могут
запоминать о сонетах Шарика Морана: Воздушное,
которое летает в небе.

Но еще не знал, что в глубоком просторе летит
и воздушный донкер, старичок испытывал грусть и
нечисть. Светящую грусть по бесне с сонетом — по
времени молодости, но тему, что страсть Наташи к
ней — тайна для него.

Но вернувшись домой и не зная увидев доно дома,
Димитрий Яковлевич в напряженном отчуждении проли-
гал час, не меняя ноги. И когда узнал о беде,
загадочную свою ответил: „Кто вам сказал, что я
бесполезен?“ Преподобный Звонок — кульминация
рассказа, наивысшая точка напряжения. И после

звонка не профессор, а старичок в „стражной
шине“ ^{жакете} берет в болицу, в палату со сплошной
дверью.

Райбенх - встреча со Штейном, подобно Кастану.